

А.В. Лысова

АГРЕССИЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ НА СВИДАНИЯХ*

Феномен насилия на свиданиях в России практически не изучен. На основании анализа научной литературы, а также результатов международного исследования насилия на свиданиях (IDVS, директор М. Страус) автор приходит к следующим выводам. Во-первых, выявлено, что гораздо больше женщин (72 %), чем мужчин (51 %), использовали легкую психологическую агрессию против партнера на свидании («кричали», «обзывали» и др.), однако различия статистически не значимы в случае применения тяжелых форм психологической агрессии («портить вещи партнера», «обвинять в том, что плохой любовник» и др.), хотя женщины также применяли ее чаще. Во-вторых, выявлена значимая положительная корреляция между агрессией и совершением физического насилия на свиданиях как для мужчин, так и для женщин. В-третьих, результаты логистической регрессии показали, что каждое увеличение на единицу по шкале агрессии увеличивает вероятность совершения физического насилия женщинами против интимного партнера на 5 %. Выявлена каузальная связь между переменными для мужчин на границе значимости, что может объясняться переменными-посредниками, облегчающими воздействие агрессии на совершение физического насилия.

Феномен физического и психологического насилия в добрачных интимных отношениях, а именно, на свиданиях, в России практически не изучен. Так как существует много подходов к определению понятий насилия и агрессии, подчеркнем, что в настоящей работе под *насилием* (или *физическим насилием*) будет пониматься применение *физической силы* с намерением причинить боль или травмы своему партнеру, а под *агрессией* (или *психо-*

* Работа выполнена при поддержке программы Канцлера Германии в рамках фонда А. Гумбольдта (Институт Макса Планка по международному и зарубежному праву (MPI), Фрайбург, Германия) и программы Фулбрайт (Нью-Йоркский университет (NYU), США).

логической агрессией) – тип взаимодействия, направленный на причинение психологических страданий другому человеку или воспринимаемый как имеющий такое намерение (Physical violence... 1999: 21). Таким образом, мы будем опираться на узкое определение насилия, понимая под ним прежде всего физические формы, не включая, хотя и признавая, серьезность и чрезвычайную необходимость исследования сексуального насилия и принуждения. В определении агрессии отметим, что такое взаимодействие может быть активным или пассивным, вербальным или невербальным.

В последнее время проводились исследования межличностного насилия в социологии, а именно, насилия между супругами в трех городах России с использованием «конфликтных тактических шкал» (Н.М. Римащевская, Д. Ванноу и др.), насилие над женами в России (М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, И.Д. Горшкова, И.И. Шурыгина, Н. Шведова). Справедливо будет заметить, что именно в отечественной криминологии проблеме внутрисемейного насилия уделяется самое пристальное внимание. В криминологии исследованием проблемы внутрисемейных убийств и агрессии активно занимаются Д.А. Шестаков, А.Н. Ильяшенко, Ю.М. Антонян, С.В. Максимов, В.П. Ревин, Д.В. Ривман и пр. Однако в большинстве исследований речь идет о фактическом брачном состоянии респондентов, и практически не предпринимались попытки изучать агрессию и насилие между партнерами конкретно в период ухаживания и в партнерском союзе (сожительстве). Кроме того, по сравнению с насилием агрессия привлекает несоизмеримо меньше внимания в научной литературе из-за сложности операционализации и характера последствий (часто невидимых). Этим объясняется крайняя ограниченность теоретического аппарата и эмпирических исследований агрессии в межличностных отношениях не только в России, но и за рубежом.

Признавая заслугу многих отечественных социологов и кримиологов в исследовании проблем преступности и девиантного поведения молодежи (В.С. Журавлева, А.Ю. Дроздова, В. Пилипенко, Е. Волянской, А. Арефьева, Т.В. Ковалевой, О.В. Степановой, А.Ю. Аршавского, Ф.Я. Вилкс, А.Л. Салагаева, Н.В. Макшанцева и др.), однако отметим, что отсутствие должного внимания к проблеме насилия и агрессии в интимных *добрачных* отношениях молодежи неоправданно в силу следующих основных причин. Во-первых, западными учеными выявлен не только сопоставимый, но и более высокий уровень насилия на стадии добрачных отношений по сравнению с супружескими отношениями; при этом насилие в предшествующих интимных отношениях является значимым фактором риска для совершения насилия в браке (Riggs et al. 2000). Во-вторых, в России отмечается процесс быстрого распространения неформальных союзов: почти каждый десятый брак сегодня не имеет официального оформления (Население России 2006: 228), и поэтому насилие и агрессия, проявляемые в этот период интимных отношений, требуют отдельного рассмотрения. В-третьих, исследования, в которых вопросы о совершении насилия и агрессии в межличностных интимных отношениях также задаются женщинам, актуальны на фоне растущей тенденции феминизации преступности (Преступность... 2003: 35) и

виктимности мужчин в контексте интимных отношений (Ильяшенко 2003: 92; Борбат и др. 2002: 26). Здесь мы считаем важным подчеркнуть, что исследование насилия и агрессии, совершаемых женщинами в контексте интимных отношений, «ни в коей мере не отвлекает от проблемы мужской агрессивности и не оправдывает ее» (White, Kowalski 1994: 496). Напротив, лучшее понимание женской агрессивности и разработанные на этом основании программы профилактики могут способствовать снижению насилия в межличностных интимных отношениях над самими женщинами (Straus 1999). Наконец, современная молодежь – это фактически первое поколение, родившееся и выросшее в новой, постсоветской России. Среди основных проблем, связанных с молодежью, особую тревогу вызывает рост уровня преступности, совершаемой людьми в возрасте от 18 до 29 лет (ее доля с 1995 по 2003 г. увеличилась на 8 процентных пунктов). Помимо этого происходит увеличение уровня потребления алкоголя, причем не только мужчинами, но и молодыми женщинами, и числа преступлений, совершенных под его воздействием; наблюдается ухудшение физического и психического здоровья молодежи, растет число ВИЧ-инфицированных молодых людей и в целом заболеваний, передаваемых половым путем (ЗППП). Остро стоит проблема роста наркотизма и экстремизма в молодежной среде.

Исследования агрессии и насилия в межличностных отношениях в России

В исследовании насилия в межличностных отношениях, проведенном в трех городах России в 1996 г., не было выявлено значимой связи между вербальной агрессией и физическим насилием (Vannoy et al. 1999: 156). Не было также выявлено гендерных различий в совершении вербальной агрессии мужчинами и женщинами. Однако общая тенденция такова, что женщины были склонны к большему проявлению вербальной агрессии, чем мужчины. Так, 87 % жен по сравнению с 83 % мужей сообщили, что «повышали голос в отношениях» как минимум однажды, при этом 24 % жен и только 7 % мужей делали это часто. Оскорбляли своих супругов 47 % жен и 37 % мужей, при этом в три раза больше жен по сравнению с мужьями сообщили, что делали это часто. В два раза больше жен угрожали изменой мужу, в то время как в два раза больше мужей угрожали причинить боль близким людям жены. Чуть больше мужей угрожали причинить боль партнеру, чем это делали жены (14 против 12 %). В целом, уровень вербальной агрессии был выше среди разведенных партнеров, чем среди состоящих в браке, а также среди молодых респондентов (18–29 лет) по сравнению с более старшими респондентами.

Исследование агрессии подростков (в общем социальном контексте, а не в межличностных отношениях), проведенное уральскими социологами в 1999 г., показало, что со словесными оскорблениями в свой адрес столкнулись почти 74 % опрошенных подростков (Журавлев 2001). Хотя вообще вербальная агрессия не рассматривалась ими как насильственное действие и являлась привычной частью жизни. Понятия «боль» и «унижение» в боль-

шей степени связывали с физическим, сексуальным и экономическим насилием. Физическому насилию подверглась треть опрошенных подростков. Девушки чаще подвергались сексуальному насилию, а юноши — вымогательству и побоям.

Как свидетельствуют результаты исследования молодежи в возрасте от 14 до 20 лет в Чернигове (выборка 166 человек), совершеннолетние чаще подростков используют косвенные формы агрессии (Дроздов 2003). При этом девушки больше склонны к вербальным, а юноши — к физическим формам агрессии. Если для первых предпочтительней оказывается «физическая — пассивная — косвенная» форма, то для вторых — «вербальная — активная — косвенная» и «физическая — пассивная — косвенная» формы. Ответная реакция чаще проявляется у подростков и девушек. Намеренная физическая агрессия вызывает ответную реакцию у 66 % совершеннолетних респондентов: 69 % юношей и 78 % девушек. При этом юноши, как правило, прибегают к активным и прямым формам физической (41 %) и вербальной (41 %) агрессии, девушки предпочитают вербальную агрессию (55 %).

Обзор исследования проблемы агрессии и насилия на свиданиях за рубежом

Впервые исследование проблемы насилия на свиданиях началось во второй половине XX в. в США, однако систематическое изучение получило импульс после работы Д. Мейкписа в 1981 г., где он указал на насилие как на важную составляющую отношений свиданий у молодых людей (Макереасе 1981). После этого исследование насилия на свиданиях оформилось в отдельную область исследований в США, были получены многочисленные данные о распространенности, факторах и гендерной структуре насилия на свиданиях. В анализе результатов исследований вплоть до 1989 г., проделанном Шугарман и Хоталинг, уровень насилия колебался от 9 до 65 % в разных исследованиях (Sugarman, Hotaling 1989). Они обнаружили, что больший процент женщин сообщали о совершении физического насилия над партнером, чем мужчины (в среднем 39,3 % женщин и 32,9 % мужчин). При этом женщины сообщали о виктимизации в результате насилия чаще, чем мужчины (в среднем 36,2 % женщин и 33,3 % мужчин). Таким образом, хотя мужчины и женщины в равной степени совершали насилие против своего партнера, женщины страдали в результате насилия чаще.

Исследования агрессии

Агрессия — один из наименее изученных типов насилия в межличностных отношениях. Проведенные ранее исследования демонстрируют высокую распространенность этого типа поведения, а также серьезность последствий для жертвы, которые иногда более болезненные, чем в результате применения физического насилия. Под психологической агрессией, которую также называют вербальной или символической агрессией, в исследованиях чаще всего понимается коммуникация, вербальная или невербальная, направленная на причинение психологической боли другому человеку. При-

мерами такой агрессии служат обзывание или едкие замечания (активная вербальная агрессия), хлопанье дверьми, опрокидывание предметов (активная невербальная агрессия), «надувание», «ледяное молчание» (пассивная невербальная агрессия) и др.

Имеющиеся немногочисленные исследования показывают стойкую сильную положительную корреляцию между агрессией и насилием (Murphy, O'Leary 1989). Ученые, которые пытались выявить различия в связях между разными уровнями агрессии и насилия, обнаружили более сильную положительную корреляцию тяжелых форм агрессии (порча вещей партнера, обзывание его обидными словами, угроза причинения физической боли) с тяжелыми формами насилия (удары ногами, кулаками, использование оружия) (Straus, Sweet 1992). Напротив, экспрессивные типы агрессии, например выбегание из комнаты во время конфликта, не были взаимосвязаны с совершением насилия. Мужчины были более склонны к выражению инструментальной и злонамеренной агрессии (тяжелые формы агрессии), а женщины — к легким формам психологической агрессии, выражающейся в экспрессивности и непрямом характере, например распространение слухов и др. (Hess, Hagen 2006).

Данные о гендерных различиях в совершении агрессии и насилия в межличностных отношениях крайне противоречивы. Многие исследователи не выявили различий между мужчинами и женщинами в уровне совершения как насилия, так и агрессии (Straus, Sweet 1992), за некоторым исключением. Так, исследование в Канадском университете выявило более высокий уровень агрессии, совершаемой студентами, а не студентками (Kasian, Painter 1992). Интересно, что в их исследовании женщины в более стабильных и формально закрепленных отношениях проявляли гораздо более высокий уровень агрессии, чем мужчины и женщины в отношениях свиданий. В целом, выводы о гендерном равенстве в совершении агрессии и насилия в межличностных отношениях не согласуются с феминистическими исследованиями, основанными на клинических выборках, и данными об арестах, в которых мужчины фигурируют как основные агрессоры (Koss et al. 1994). Тот факт, что женщины чаще мужчин совершают агрессию и насилие над партнером в интимных отношениях, был подтвержден рядом исследований (Lane, Gwartney-Gibbs 1985).

Теории влияния агрессии на физическое насилие

Наиболее известной и пользующейся в прошлом популярностью теорией предотвращения агрессии является *теория катарсиса*. Фрейд, основываясь на идее Аристотеля об «очищении» чувств, полагал, что интенсивность агрессивного поведения может быть ослаблена либо посредством выражения эмоций, имеющих отношение к агрессии, либо путем наблюдения за агрессивными действиями других (Бэрон 2001). Представление о катарсисе в современной психологии скорее сродни тому, что излагают Доллард и его коллеги в монографии «Фрустрация и агрессия». Согласно этим авторам, «результатом любого акта агрессии является катарсис, который уменьшает вероятность проявления других агрессивных действий» (Там же: 296).

Несмотря на широкое распространение идей катарсиса, эмпирические данные показывают, что вербальное и прямое «выражение» агрессии по отношению к партнеру приводит к увеличению, а не снижению вероятности использования последующего физического насилия (Murphy, O'Leary 1989). Способ снятия напряжения, возникшего в результате провокации, посредством агрессии может способствовать развитию у человека склонности реагировать в будущем агрессией на тех, кто будет его провоцировать. Механизм усиления агрессивных наклонностей можно представить следующим образом: человека выводят из себя, и он отвечает агрессией провокатору. В результате уровень физиологического возбуждения у него падает, что служит положительным подкреплением для совершения агрессии в будущем. Психологическая агрессия не является заместителем физического насилия. Напротив, она представляет собой тип дезадаптивных межличностных отношений, очень схожий с физическим насилием.

Гипотезы исследования

На основании анализа проблемы и научной литературы в статье поставлены три вопроса и соответственно три гипотезы:

1) Различается ли уровень совершения агрессии студентами и студентками в нашей выборке? Основываясь на данных о гендерной симметрии в совершении насилия мужчинами и женщинами, мы предполагаем, что уровень общей агрессии будет примерно равным для женщин и мужчин. При этом мы также предполагаем, что уровень тяжелых форм агрессии будет выше для мужчин, чем для женщин, а уровень легких форм агрессии будет выше для женщин, чем для мужчин.

2) Существует ли корреляция агрессии с совершением насилия на свидании против партнера? Мы предполагаем существование значимой корреляции.

3) Есть ли гендерные различия в существовании причинной связи между агрессией и совершением физического насилия на свидании? Наша гипотеза заключается в отсутствии гендерных различий в существовании прямой каузальной связи.

О настоящем исследовании насилия на свидании в России

Понятия насилия и агрессии уже были определены нами в начале работы. Наибольшую трудность для ученых представляет задача дать определение отношениям *свиданий*. Для целей нашего исследования под свиданием понимается взаимодействие двух людей, направленное на участие во взаимно удовлетворяющей активности, которая увеличивает вероятность продолжения общения, усиливает эмоциональную вовлеченность и способствует вступлению партнеров в сексуальные отношения (Sugarman, Hotaling 1989: 5). При этом под свиданием вслед за Мейкписом мы будем понимать все стадии добрачных отношений, начиная с первого свидания и заканчивая сожительством или, как его также называют, партнерским союзом (Makepeace 1989). Следовательно, *насилие на свиданиях* — это не просто супружеское насилие

до брака. Это отдельный феномен со специфической динамикой, которая может быть понятна только в свете проблем и стадий самих этих отношений.

Автор настоящей статьи в качестве члена международного консорциума провела международное исследование насилия на свиданиях в России (International Dating Violence Study, IDVS), руководителем которого является мировой лидер в исследовании проблемы насилия в межличностных отношениях американский ученый М. Страус (Лысова 2006). Исследование проводилось в 2004 г. в трех университетах России: Дальневосточном государственном университете (г. Владивосток), Алтайском государственном политехническом университете им. И.И. Ползунова (г. Барнаул) и Санкт-Петербургском государственном университете. Окончательная выборка исследования составила 338 человек. Данная выборка не является репрезентативной, так как в исследовании приняли участие студенты в основном трех специальностей: психология, социология и социальная работа. В качестве основного инструмента измерения насилия между партнерами послужили конфликтные тактические шкалы (Conflict Tactics Scales, CTS2), разработанные М. Страусом в 1979 г. (Straus et al. 1996).

Характеристика респондентов. Изучаемая выборка примерно поровну распределена по полу респондентов (46 % мужчин и 54 % женщин). Большая часть респондентов обучались на 1, 2 или 4 курсе в университете. Чуть больше половины мужчин обучались на 4 курсе университета. Разница с женщинами оказалась статистически значимой, так как женщины распределились примерно поровну между 1 и 4 курсами обучения. Мужчины и женщины в выборке оказались примерно одинакового возраста (19,8 года для мужчин и 19,5 года для женщин). Более четырех пятых респондентов встречались с партнером на свиданиях. Мужчины в выборке более сексуально активны, чем женщины: 78 % мужчин против 66 % женщин. Хотя продолжительность отношений респондентов в целом чуть меньше года, женщины в исследовании состояли в более длительных отношениях по сравнению с мужчинами.

Шкалы в исследовании. В анкете измерялся уровень совершения агрессии и насилия, причем каждая из шкал подразделялась на два типа: легкий уровень и тяжелый уровень.

Коэффициент надежности шкалы *агрессии* равен 0,79. В нее входят *легкие формы агрессии* (оскорблял/а или обзывал/а партнера; кричал/а и орал/а на партнера; выбегал/а из комнаты или из дома в период выяснения отношений; говорил/а что-то намеренно, чтобы разозлить партнера) и *тяжелые формы агрессии* (называл/а партнера жирным и уродливым; портил/а вещи, принадлежащие партнеру; обвинял/а партнера в том, что он плохой любовник; угрожал/а ударить или бросить что-то в партнера).

Шкала *насилия* также подразделяется на два типа: легкие и тяжелые формы насилия. Коэффициент надежности шкалы физического насилия для данной выборки составил 0,91. Пункты шкалы физического насилия следующие: *легкие формы* (толкал/а партнера; грубо хватал/а партнера; бросал/а в партнера что-то, что могло нанести повреждения; выкручивал/а партнеру руки или хватал/а за волосы; давал/а пощечину) и *тяжелые формы* (бил/а

кулаками или ударял/а партнера чем-то, что могло физически травмировать; ударял/а партнера об стену; избивал/а партнера; душил/а партнера; намеренно обжигал/а или ошпаривал/а партнера; использовал/а нож или пистолет в отношении партнера).

Методы анализа. В качестве методов анализа мы использовали корреляционный анализ, вычисление χ^2 , а также t -тест для выявления значимых различий между средними двух независимых выборок (мужчин и женщин; группы, кто совершил насилие за последние 12 месяцев, и тех, кто не совершил). Для выявления каузальной связи между проявлением агрессии и совершением насилия на свиданиях отдельно для мужчин и для женщин применялась регрессионная модель (метод логистической регрессии). Дихотомическая переменная совершения (1) или несовершения (0) физического насилия использовалась в качестве независимой переменной. В качестве контрольных переменных использовались социальная желательность, социально-экономический статус, возраст респондента и длительность его отношений с партнером. Значимыми во всех типах анализа мы считали данные, имеющие вероятность ошибки не более 0,05 ($p < 0,05$).

Результаты исследования. Отвечая на первый поставленный вопрос, различается ли уровень агрессии у студентов и студенток в нашей выборке, обратимся к табл. 1 и 2. Из табл. 1 мы видим, что среднее значение по шкале социальной желательности примерно равно для мужчин и для женщин (2,53 и 2,56 соответственно; $t = -695$, $p > 0,05$). Это можно считать свидетельством того, что практически нет различий в том, насколько мужчины и женщины правдиво сообщали информацию о насилии в отношении своих партнеров. Гораздо больше молодых женщин в нашей выборке совершили насилие над партнерами как минимум однажды за предшествующие 12 месяцев (почти 38 %), в то время как только 23 % мужчин сообщили о совершении насилия над женщинами. Причем эта разница оказалась статистически значимой ($\chi^2 = 7,79$, $p = 0,005$). Однако частота совершения насилия за предшествующие 12 месяцев оказалась примерно одинаковой для мужчин и женщин с небольшим отрывом женщин (15,0 случаев насилия, совершенного женщинами, и 12,3 – мужчинами). По уровню проявления агрессии оказалось, что гораздо больше молодых женщин сообщили о совершении агрессии (73 %), чем молодых мужчин (52 %), причем различия оказались статистически максимально значимыми ($\chi^2 = 15,01$, $p < 0,001$). Вместе с тем средняя частота совершения агрессии за предшествующий год оказалась выше для мужчин, чем для женщин (16,1 против 14,3 соответственно), хотя различия между средними не достигли уровня статистической значимости ($t = 0,584$, $p > 0,05$).

Таблица 1. Описательная статистика изучаемых шкал и результаты теста на сравнение средних для мужчин и женщин

Шкала	Всего (N=338) 100 %	Мужчины (n=156) 46 %	Женщины (n=182) 54 %	Значимость различий
Среднее по шкале социальной желательности (станд. откл.)	2,55 (0,35)	2,53 (0,37)	2,56 (0,34)	$t = -0,695$, $p = 0,487$
Совершенные акты физического насилия, %	31,0	22,8	37,6	$\chi^2 = 7,79$, $p = 0,005$
Среднее число актов физического насилия (станд. откл.)	14,1 (20,4)	12,3 (16,1)	15,0 (22,3)	$t = -0,604$, $p = 0,547$
Совершенные акты психологической агрессии, %	63,4	51,5	72,9	$\chi^2 = 15,01$, $p < 0,001$
Среднее число актов психологической агрессии (станд. откл.)	14,9 (20,7)	16,1 (22,5)	14,3 (19,7)	$t = 0,584$, $p = 0,560$

Если мы посмотрим на распределение ответов мужчин и женщин по отдельным вопросам в шкале психологической агрессии в табл. 2, то увидим, что все различия между мужчинами и женщинами по типу легкой агрессии оказались статистически значимыми с большим отрывом женщин (72 % женщин против 51 % мужчин, $\chi^2 = 14,24$, $p < 0,001$, $df = 1$). Большинство респондентов в выборке «оскорбляли и обзывали» своего партнера (49 % женщин и 32 % мужчин), а также «кричали и орала» на партнера (45 % женщин и 31 % мужчин). Минимальная разница между полами зафиксирована в случае «выбегания из комнаты в период выяснения отношений», что является формой пассивной прямой агрессии.

В применении тяжелых форм психологической агрессии статистически значимых различий между мужчинами (15 %) и женщинами (21 %) не выявлено ($\chi^2 = 1,95$, $p > 0,05$, $df = 1$). Ответы респондентов распределились примерно равномерно между мужчинами и женщинами по шкале тяжелой психологической агрессии. Исключение составил вопрос об «угрозах ударить или бросить что-то в партнера», где на уровне статистической значимости лидировали женщины: 10,8 % женщин по сравнению с 3,1 % мужчин ($\chi^2 = 6,13$, $p < 0,05$, $df = 1$).

Коэффициент корреляции τ Кендалла между двумя дихотомическими переменными, измеряющими факт совершения агрессии мужчинами над женщинами и женщинами над мужчинами, оказался равным $\tau = 0,76$ ($p < 0,001$, $n = 303$). Это может говорить о высоком уровне взаимной агрессии: когда один партнер инициирует агрессию, другой отвечает тем же. Дополнительный частотный анализ по шкале взаимности агрессии подтвердил наше предположение.

Таблица 2. Распределение ответов студентов и студенток по шкале агрессии, которые совершили как минимум один из типов психологической агрессии в период предшествующих 12 месяцев

Вопрос в шкале агрессии	Всего, % (n=338)	Мужчины, % (n=156)	Женщины, % (n=182)	Значимость различий
<i>Легкие формы агрессии</i>				
Оскорблял или обзывал партнера	41,6	32,4	49,1	$\chi^2=8,71, p=0,003, df=1$
Кричал и орал на партнера	38,8	30,8	45,2	$\chi^2=6,41, p=0,011, df=1$
Выбегал из комнаты в период выяснения наших отношений	15,0	10,2	18,7	$\chi^2=4,02, p=0,045, df=1$
Говорил что-то намеренно, чтобы разозлить партнера	28,7	18,3	36,5	$\chi^2=11,73, p=0,001, df=1$
Всего по типу легкой психологической агрессии	62,4	50,7	71,8	$\chi^2=14,24, p<0,001, df=1$
<i>Тяжелые формы агрессии</i>				
Называл партнера жирным и уродливым	6,0	6,0	5,9	$\chi^2=0,001, p=0,972, df=1$
Портил вещи, принадлежащие партнеру	4,7	3,8	5,4	$\chi^2=0,442, p=0,506, df=1$
Обвинял партнера в том, что он плохой любовник	7,2	4,7	9,1	$\chi^2=2,09, p=0,148, df=1$
Угрожал ударить или бросить что-то в партнера	7,5	3,1	10,8	$\chi^2=6,13, p=0,013, df=1$
Всего по типу тяжелой психологической агрессии	18,4	14,9	21,2	$\chi^2=1,95, p=0,163, df=1$

Из тех респондентов, которые сообщили о совершении как минимум одного акта агрессии в период предшествующих 12 месяцев, 3,8 % мужчин и 12,7 % женщин совершали агрессию без агрессии со стороны своих партнеров, однако агрессия была взаимной более чем в 80 % случаев. Что касается тяжелых форм агрессии, то результаты получились следующими: в 52 % случаев тяжелая агрессия была взаимной, в 16 % случаев мужчины были единственными агрессорами и, что интересно, в два раза большем числе случаев (32 %) единственными агрессорами выступали женщины. Одно из объяснений большей агрессивности женщин по сравнению с мужчинами — сокрытие истинного уровня насилия мужчинами и преувеличение насилия женщинами. Данные табл. 3 показывают, что в целом женщины в нашей выборке сообщают о большем уровне агрессии независимо от того, совершают ли ее сами или становились ее жертвами.

Таблица 3. Уровень агрессии в зависимости от пола совершившего агрессию и пола респондента

Кто совершил агрессию	Пол респондента	Уровень психологической агрессии, %			N	χ^2	P	df
		Легкие формы агрессии	Тяжелые формы агрессии	Нет				
Мужчина	Мужчина	36,6	14,9	48,5	134	10,1	<0,01	2
	Женщина	54,4	13,0	32,5	169			
Женщина	Мужчина	46,3	12,7	41,0	134	7,97	<0,05	2
	Женщина	51,8	21,2	27,1	170			

Анализ ответов респондентов в случае совершения насилия не выявил значимых различий между мужчинами и женщинами (табл. 4).

Таблица 4. Уровни физического насилия в зависимости от пола совершившего насилия и пола респондента

Кто совершил насилие	Пол респондента	Уровень физического насилия, %			N	χ^2	P	df
		Легкие формы насилия	Тяжелые формы насилия	Нет				
Мужчина	Мужчина	14,8	8,1	77,0	135	0,22	n.s.	2
	Женщина	13,5	9,4	77,1	170			
Женщина	Мужчина	21,5	7,4	71,1	135	3,71	n.s.	2
	Женщина	24,1	13,5	62,4	170			

Отвечая на второй поставленный в статье вопрос, существует ли корреляция агрессии с совершением насилия на свидании над партнером, обратимся к табл. 5. Значения средних по шкале агрессии выше для мужчин и женщин, сообщивших о совершении насилия в отношениях. Уровня статистической значимости различия в средних достигли как для женщин ($t = -3,61, p < 0,001$), так и для мужчин, хотя различия для последних находятся на границе статистической значимости ($t = -1,99, p = 0,051$).

Таблица 5. Средние, стандартные отклонения по шкале агрессии и результаты t-теста на сравнение средних для мужчин и женщин в зависимости от факта совершения ими насилия против партнера

Параметр	Мужчины		Женщины	
	Совершили насилие	Не совершили насилие	Совершили насилие	Не совершили насилие
Среднее по шкале агрессии (станд. откл.)	22,0 (29,8)	11,5 (13,1)	20,2 (24,1)	8,05 (10,4)
Значимость различий	$t = -1,99, p = 0,051, df = 68$		$t = -3,61, p < 0,001, df = 122$	

Коэффициент корреляции Пирсона между частотой агрессии и частотой совершения насилия для мужчин и для женщин составил $r=0,64$ ($p<0,001$). Для выявления дифференцированной связи разных уровней агрессии с общим и тяжелым уровнями насилия нами был проведен анализ частной корреляции. В качестве контрольных переменных вводились пол респондента, социальная желательность, социально-экономический статус, возраст и продолжительность отношений с партнером. Анализ проводился отдельно для мужчин и для женщин. Результаты представлены на схемах 1–3.

Схема 1. Связь между агрессией и совершением насилия над партнером на свиданиях

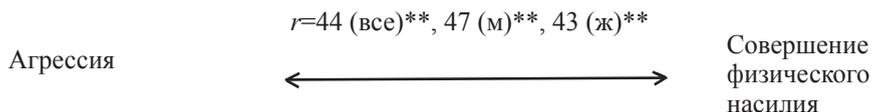

Схема 2. Связь между тяжелым и легким уровнями агрессии и совершением насилия над партнером на свиданиях

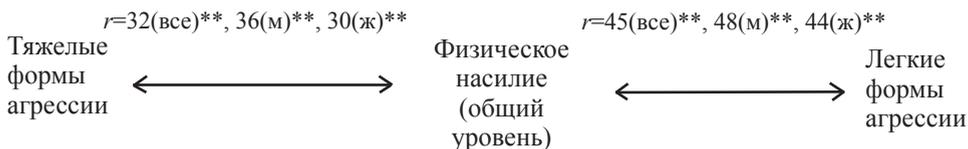
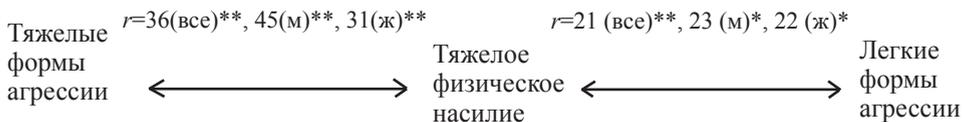

Схема 3. Связь между тяжелым и легким уровнями агрессии и совершением тяжелого физического насилия над партнером на свиданиях

* $p<0,01$; ** $p<0,001$.

Из представленных схем следует, что в целом корреляция между агрессией и насилием с учетом контрольных переменных высокозначимая и положительная (для мужчин и женщин $r=0,44$; $p<0,001$, для мужчин $r=0,47$; $p<0,001$ и для женщин $r=0,43$; $p<0,001$). Анализ корреляции разных видов агрессии и насилия показал наиболее сильную и значимую корреляцию между легкими формами психологической агрессии и общим уровнем физического насилия (в целом $r=0,45$; $p<0,001$). Значимая сильная корреляция также обнаружена между тяжелыми формами психологической агрессии и тяжелыми формами физического насилия, особенно для мужчин (в целом $r=0,36$; $p<0,001$, для мужчин $r=0,45$; $p<0,001$ и для женщин $r=0,31$; $p<0,001$).

Отвечая на последний вопрос нашего исследования о существовании гендерных различий во влиянии агрессии на совершение насилия на свиданиях, мы использовали метод логистической регрессии. Результаты логистической

регрессии, представленные в табл. 6, подтверждают существование значимой прямой каузальной связи между агрессией и совершением насилия на свиданиях как для мужчин, так и для женщин. Однако коэффициент значимости каузальной связи между изучаемыми переменными для мужчин находится на границе допустимой значимости ($p=0,053$), что необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Представленные в табл. 6 данные можно интерпретировать следующим образом: каждое увеличение на единицу по шкале агрессии (за единицу принимался один акт психологической агрессии) приводит к увеличению шансов совершения насилия мужчинами в 1,03 раза, или на 3 %. Это очень серьезное увеличение, учитывая размах в совершении агрессии мужчинами в нашей выборке: от 1 до 125 актов агрессии. При этом часть дисперсии, объяснимая с помощью логистической регрессии (по методу Наделькеркеса), составила 19 %, а доля правильно спрогнозированных данных возросла с 54 до 63 %. В отличие от мужчин для женщин выявлена высокозначимая каузальная связь, согласно которой каждый дополнительный акт агрессии увеличивает шансы совершения насилия над партнером на 5 %. Размах в проявлении агрессии женщинами в нашей выборке составил от 1 до 108 актов агрессии. Часть дисперсии, объяснимая с помощью логистической регрессии (по методу Наделькеркеса), составила 18 %, а доля правильно спрогнозированных данных возросла с 52 до 65 %.

Таблица 6. Логистическая регрессия отношения уровней агрессии к совершению насилия над партнером на свидании для мужчин и женщин

Независимые переменные	Коэффициент регрессии B	Станд. ошибка	Критерий Вальда	Значимость	Exp (B)
<i>Для женщин</i>					
Агрессия	0,047	0,016	8,307	0,004	1,048
Шкала социальной желательности	0,112	0,623	0,032	0,857	1,119
Социально-экономический статус	- 0,044	0,142	0,097	0,755	0,957
Продолжительность отношений (в мес.)	0,128	0,094	1,842	0,175	1,136
Возраст (в годах)	- 0,177	0,156	1,289	0,256	0,838
<i>Для мужчин</i>					
Агрессия	0,031	0,016	3,751	0,053	1,032
Шкала социальной желательности	- 0,323	0,861	0,141	0,707	0,724
Социально-экономический статус	0,135	0,197	0,470	0,493	1,144
Продолжительность отношений (в мес.)	0,269	0,152	3,143	0,076	1,309
Возраст (в годах)	0,031	0,246	0,016	0,899	1,032

Дискуссия и выводы

При интерпретации полученных результатов важно помнить о некоторых ограничениях данного исследования. Во-первых, в исследовании приняли участие только студенты вузов. Студенты представляют собой специфическую группу, социальное происхождение, повседневная и сексуальная жизнь которой отличаются от таковых другой части молодежи. Студентов отличает от другой молодежи также то, что это наиболее благополучная часть молодежи. Можно смело предположить, что уровень совершения агрессии и насилия на свиданиях будет выше в группе молодых людей, не являющихся студентами. Однако студенты — многочисленная группа. Так, в Российской Федерации каждый четвертый в возрасте от 18 до 24 лет учится в вузе (не считая заочную форму обучения). Кроме того, в исследовании использовалась неслучайная выборка студентов только трех вузов, расположенных в трех географически разных частях России, поэтому полученные результаты мы не можем распространять на всех студентов России.

Из полученных данных следует, что мужчины склонны минимизировать свою роль в совершении агрессии. Это может объясняться как намеренным сокрытием проявления агрессии мужчинами, так и меньшей их чувствительностью к случаям вербальной агрессии. Например, ученые, изучавшие агрессивность подростков, пришли к выводу, что вербальная агрессия становится привычной частью повседневной жизни и что подростки часто вообще не рассматривают оскорбления как вид насильственных действий (Журавлев 2001). Другая интерпретация полученных результатов может заключаться в том, что женщины преувеличивают информацию о психологической агрессии. Поэтому различия в ответах между мужчинами и женщинами не обязательно результат сознательного уменьшения или преувеличения уровня агрессии, но следствие разных интерпретаций «оскорблений» и «криков» мужчинами и женщинами. Различия в сообщениях мужчин и женщин о совершении психологической агрессии также были обнаружены в исследованиях, проведенных в США (Straus, Sweet 1992).

Результаты анализа по шкале взаимности агрессии согласуются с результатами исследований в Украине и России. Так, по данным украинских социологов, наиболее сильными факторами, вызывающими всплеск агрессивных эмоций у большей части юношей и девушек, являются обсуждение их за спиной или открытое высказывание критических замечаний (так считали 54 % подростков), а также ложь (46 %). Многие из них «злились» когда на них кричали (41 %) (Пилипенко, Волянская 2004). Треть опрошенных в Екатеринбурге подростков отметили, что насилие возникает в ответ на насилие (Журавлев 2001). В другом исследовании 73 % молодых людей поводом для собственной агрессии посчитали намеренную вербальную агрессию со стороны другого, и другие 73 % — намеренное физическое насилие (Дроздов 2003).

Важным результатом нашего исследования явилось установление того факта, что гораздо больше женщин совершали насилие над партнером, чем мужчины над партнершами (38 % женщин и 23 % мужчин), и проявляли агрессию (73 % женщин против 52 % мужчин).

Таким образом, наша гипотеза о симметрии в совершении насилия мужчинами и женщинами не подтвердилась. На первый взгляд, это очень необычный результат, однако подобные результаты были также обнаружены в большинстве стран-участниц международного исследования насилия на свиданиях (в 27 из 36 университетов в 19 странах мира) (Douglas, Straus 2006), а также в других исследованиях (Д. Арчера, М. Страуса и пр.). Более того, исследования насилия в семье между супругами также подтверждают теорию о взаимном характере совершения насилия, в результате которого, однако, страдает больше женщин. Возможные объяснения полового неравенства в совершении насилия над партнером на свиданиях, где женщины более агрессивны, могут заключаться в следующем. Во-первых, мужчины склонны скрывать истинный уровень насилия в отношении своих партнеров по причине стигматизации такого поведения (в нашем случае это наблюдалось только в отношении агрессии, но не физического насилия). Во-вторых, понимая вероятный серьезный результат своего насилия, выражающийся в нанесении серьезных травм партнеру, молодые мужчины учатся сдерживать насилие или концентрируются лишь на легких формах насилия в отличие от женщин. Наконец, женщины обладают большей властью в отношениях свиданий, чем мужчины, выступая часто инициаторами прекращения свидания.

В нашем исследовании мы не нашли эмпирических оснований для теории катарсиса, чем подтвердили вторую гипотезу — о значимой связи агрессии с насилием. Наши результаты согласуются с выводами большинства исследований в психологии и социологии агрессии и насилия. Уровень агрессии не уменьшается после серии вербальных атак — напротив, полученные данные свидетельствуют о том, что такие действия увеличивают вероятность совершения насилия. Однако полученные нами данные противоречат результатам исследования подростков в Красноярске (Ковалева, Степанова 1998). На основе результатов анализа речевых взаимодействий испытуемых (подсчитывалось общее количество реплик и процентное содержание в их числе агрессивно доминантных реакций) не было выявлено связи между использованием агрессивных реплик подростками (43–62 %) и последующим их деструктивным поведением. Авторы предположили, что подростковая агрессивность в межличностных взаимоотношениях чаще выполняет просто демонстративную функцию. Объяснить такое расхождение можно разницей в возрасте респондентов. Предположительно, среди совершеннолетних вербальная агрессия в меньшей степени является демонстративной, чем среди подростков.

Третья задача настоящего исследования заключалась в выявлении гендерных различий в прямом воздействии психологической агрессии на совершение физического насилия в отношении интимного партнера на свидании. Каузальная связь оказалась статистически значимой как для женщин, так и для мужчин, и с каждым дополнительным актом агрессии вероятность шансов совершения насилия женщинами возрастает на 5 % и мужчинами — на 3 %. Возможно, существуют некие переменные-посредники, которые облегчают воздействие агрессии на совершение насилия в добрачных отноше-

ниях мужчинами и женщинами. В качестве подобных вероятных переменных-посредников могут служить наличие норм, оправдывающих насилие, жестокая социализация в семье, наличие антисоциальных черт и поведения, ситуационный стресс, злоупотребление алкоголем и др.

Таким образом, в заключение подчеркнем острую необходимость в дополнительных исследованиях данной проблемы в России. Наше исследование также поднимает вопрос о необходимости в разработке и проведении профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня агрессии в межличностной коммуникации молодежи, так как вербальная и символическая агрессия являются первой ступенью на пути совершения физического насилия. Особо следует отметить потребность в профилактике агрессии и насилия не только среди мужчин – единственно ответственных за насилие, как считалось долгое время, но и среди женщин, уровень совершения агрессии и насилия которыми не только сравнялся, но иногда даже превышает мужской.

Литература

- Борбат А.В., Ильяшенко А.Н., Пономарев П.Г. Насильственная преступность в семье: криминологическая характеристика // Российский следователь. 2002. № 1. С. 24–29.
- Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001.
- Дроздов А.Ю. Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 95–98.
- Журавлев В.С. Почему агрессивны подростки? // Там же. 2001. № 2. С. 134–136.
- Ильяшенко А.Н. Виктимологические проблемы насильственной преступности в семье // Право и политика. 2003. № 1. С. 89–99.
- Ковалева Т.В., Степанова О.В. Подростки смутного времени (к проблеме социализации старшеклассников) // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 56–63.
- Лысова А.В. Насилие на свиданиях в России // Там же. 2006. № 2. С. 94–103.
- Население России 2003–2004: Одиннадцатый–двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 2006.
- Пилипенко В., Волянская Е. Подростковая агрессия в контексте современной социокультурной ситуации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 5–23.
- Преступность среди социальных подсистем: Новая отрасль и отрасли криминологии / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
- Douglas E.M., Straus M.A. Assault and Injury of Dating Partners by University Students in 19 Countries and its Relation to Corporal Punishment Experienced as a Child // European Journal of Criminology. 2006. Vol. 3. No 3. P. 293–318.
- Hess N.H., Hagen E.H. Sex differences in indirect aggression: Psychological evidence from young adults // Evolution and Human Behavior. 2006. No 27. P. 231–245.
- Kasian M., Painter S.L. Frequency and severity of psychological abuse in a dating population // Journal of interpersonal violence. 1992. Vol. 7. No 3. P. 350–364.
- Koss M.P., Goodman L.A., Browne A. et al. No safe haven: male violence against women at home, at work, and in the community. Washington, DC: American Psychological Association, 1994.
- Lane K. E., Gwartney-Gibbs P. A Violence in the context of dating and sex // Journal of Family Issues. 1985. No 6. P. 45–59.
- Makepeace J. Courtship violence among college students // Family Relations. 1981. No 30.
- Makepeace J. Dating, Living together, and courtship violence // M.A. Pirog-Good, J.E. Stets (Eds.). Violence in dating relationships. New York: Praeger Publishers, 1989. P. 94–107.

Murphy C.M., O'Leary K.D. Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology*. 1989. No 57. P. 579–582.

Physical violence in American families: Risk factors and adaptations to violence in 8,145 families / Ed. by M. Straus, R. Gelles. New Brunswick; New Jersey: Transaction Publishers, 1999.

Riggs D.S., Caulfield M.B., Street A.E. Risk for domestic violence: Factors associated with perpetration and victimization // *Journal of Clinical Psychology*. 2000. No 56. P. 1289–1318.

Straus M. The controversy over domestic violence by women: a methodological, theoretical, and sociology of science analysis // *Violence in intimate relationships* / Ed. by X.B. Arriaga, S. Oskamp. Thousand Oaks, California: Sage, 1999. P. 17–49.

Straus M.A., Hamby S.L., Boney-McCoy S., Sugarman D.B. The Revised Conflict Tactics Scales (CTS2): Development and preliminary psychometric data // *Journal of Family Issues*. 1996. No 17. P. 283–316.

Straus M.A., Sweet S. Verbal/Symbolic aggression in couples: incidence rates and relationships to personal characteristics // *Journal of marriage and the family*. 1992. No 54. P. 346–357.

Sugarman D.B., Hotaling G.T. Dating violence: prevalence, context, and risk markers // *Violence in dating relationships*. M.A. Pirog-Good, J.E. Stets (Eds.) New York: Praeger Publishers, 1989.

Vannoy D., Rimashevskaya N., Cubbins L. et al. Marriages in Russia: Couples during the economic transition. Westport, CT: Praeger Publishers, 1999.

White J.W., Kowalski R.M. Deconstructing the myth of the nonaggressive woman // *Psychology of Women Quarterly*. 1994. No 18. P. 487–508.